

Н.П. Дворцова (Тюмень)

ПАНКРАТИЙ СУМАРОКОВ И АВГУСТ КОЦЕБУ: сюжет открытия Сибири

DOI: 10.24411/2072-9316-2017-00015

Аннотация. Ключевой для понимания судьбы и творческой деятельности П.П. Сумарокова сюжет открытия Сибири рассматривается в статье в особом ракурсе: сквозь призму отношений поэта с А. фон Коцебу в 1800–1804 гг. С этой целью реконструируется история биографических и творческих связей Сумарокова и Коцебу в этот период, в центре которой два основных события: встреча поэта и драматурга в Сибири и литературно-журнальная полемика по поводу «страшной моды» (Н.М. Карамзин) на Коцебу в России. На основе мотивного анализа выделяются и интерпретируются главные мотивы общего для Сумарокова и Коцебу сюжета открытия Сибири: страха перед Сибирью; разрушения «неверных понятий» (стереотипов); узнавания; судьбы «несчастных»; творчества (книг); возвращения. Особое внимание уделяется мотивам Европы в Сибири и завоевания Сибири и Америки. Показано значение для Сумарокова и Коцебу античных образов как культурных образцов: судьба Сенеки как модель поведения изгнанника, изгнание Овидия, миф о Сибирской Иппокрене как мироустроительный миф о книге-реке, преобразующей жизнь. Смысл мотива завоевания Сибири и Америки раскрыт в контексте истории с постановкой в Тобольском театре пьесы Коцебу «Дева Солнца».

Ключевые слова: П.П. Сумароков; А. фон Коцебу; воспоминания о Сибири; сюжет открытия Сибири; мотив Европы в Сибири; завоевание Сибири и Америки.

N. Dvortsova (Tyumen)

Pankratiy Sumarokov and August Kotzebue: A Plot of Discovery of Siberia

Abstract. To understand P.P. Sumarokov's fate and creative work one should consider the episode of his personal discovery of Siberia. This research tackles it from a particular angle: in the light of the poet's relations with A. von Kotzebue in the years 1800–1804. To do this, the author reconstructs the history of the biographical and creative links between Sumarokov and Kotzebue during that period. There are two events at the center of the investigation: the poet and playwright's meeting in Siberia and the literary-magazine polemics on the so called "awful fashion" (N.M. Karamzin) of Kotzebue in Russia. Applying motive analysis, the author singles out and interprets the main motives in the plots of the discovery of Siberia, common to both Sumarokov and Kotzebue: fear of Siberia; eradication of "misconceptions" (stereotypes); recognition, fate of the "miserable"; creative work (books) and return. Special attention is paid to the motives of Europe in Siberia and the conquest of Siberia and America. The research points out the significance of the antique images as cultural models: Seneca's fate as a

behavioral model of a person in exile, the exile of Ovid, the myth of Siberian Ippokrena as a world-order myth about the life-transforming river-book. The meaning of the motive of the conquest of Siberia and America reveals itself in the context of a story of staging Kotzebue's play *The Virgin of the Sun* in the Tobolsk Theater.

Key words: P.P. Sumarokov; A. von Kotzebue; reminiscences of Siberia; the plot of the discovery of Siberia; the motive of Europe in Siberia; the conquest of Siberia and America.

К постановке проблемы

Тема «П. Сумароков и А. Коцебу» – часть более общей темы русской (и немецкой) культуры «А. фон Коцебу в России», у истоков которой – автобиографические записки немецкого драматурга «Достопамятный год моей жизни» («Das merkwürdigste Jahr meines Lebens»), впервые опубликованные в 1801 г. и посвященные главным образом его четырехмесячной ссылке в Сибирь при Павле I. Имя ссыльного поэта Сумарокова в книге этой, как известно, не упоминается. О встречах Сумарокова и Коцебу в Тобольске в 1800 г. рассказал сын поэта Петр Панкратьевич Сумароков в «Записках отжившего человека»¹. Современную реконструкцию встречи Сумарокова и Коцебу предпринял В.А. Павлов в документальной «Повести о Панкратии Сумарокове»².

Изучение творчества А. Коцебу в контексте литературы ссыльных, или, как называл их А.Н. Радищев, «путешественников поневоле»³ традиционно для науки. Так, К. Штайнке включает сибирские мемуары Коцебу в контекст «литературы пленных и ссыльных» от протопопа Аввакума до Евгении Гинзбург и Александра Солженицына⁴.

История отношений Коцебу и Сумарокова, позволяющая сопоставить два взгляда на Сибирь: извне, из немецкой культуры, и изнутри, из русской культуры, – органическая часть этого контекста. Их встреча позволяет понять как инвариантность, так и вариативность сюжета открытия Сибири.

Помимо сибирской темы, имя Сумарокова современными исследователями рассматривается в контексте проблемы восприятия драматургии Коцебу в русском обществе начала XIX в. Так, С.И. Мельникова упоминает эпиграмму Сумарокова «Блажен, кому всегда печаль и скука чужды», напечатанную в «Вестнике Европы» за 1804 г., в ряду произведений тех авторов (В.Л. Пушкин, А.Н. Нахимов и др.), которые критически оценивали «трогательные» пьесы Коцебу на российской сцене⁵. Если Сумарокову не суждено было стать героем сибирских мемуаров Коцебу в 1800 г., то в 1804 г. модный немецкий драматург становится героем эпиграммы вернувшемуся из ссылки поэту.

Карамзин, с которым Коцебу встречался в Москве по пути из Сибири в Петербург и которого в мемуарах назвал «очень уважаемым писателем, известным даже в Германии по его "Письмам русского путешественника"», в статье «О книжной торговле и любви к чтению в России» в девятом выпуске «Вестника Европы» за 1802 г. с иронией пишет о том, что в России

«теперь в страшной моде Коцебу»⁶. В первых трех выпусках «Вестника Европы» за 1804 г., когда редактором журнала становится вернувшийся из ссылки Сумароков, появилось три публикации, в которых критически оценивались пьесы Коцебу и мода на него в России⁷. Эпиграмма Сумарокова, продолжающая тему, появится в 19-м выпуске «Вестника Европы» за 1804 г.

Тема «Сумароков и Коцебу» включает в себя, таким образом, два очевидных сюжета: 1) встреча писателей в сибирской ссылке; 2) литературно-журнальная полемика, связанная с модой на Коцебу в России, в которой в 1802–1804 гг. участвует журнал «Вестник Европы» под руководством Н.М. Карамзина (1802–1803) и П.П. Сумарокова (1804).

В теме этой, с нашей точки зрения, есть и неочевидный, глубинный смысл, связанный с открытием того, чем была Сибирь для Сумарокова, не оставившего о пребывании в этом крае таких подробных мемуаров, как Коцебу. Изучение именно этого глубинного смысла является конечной целью данной статьи, посвященной прежде всего сюжету открытия Сибири Сумароковым и его личности, как они раскрываются в истории «встречи» поэта с Коцебу в 1800–1804 гг.

Теоретико-методологическим обоснованием такого подхода является идея М.М. Бахтина о том, что «смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом. <...> Не может быть “смысла в себе” – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним».⁸

С этой точки зрения очевидно, что понять место Сумарокова в сибирском тексте русской литературы можно лишь в контексте творчества тех его современников (Д.В. Корнильев, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев, П.А. Словцов и др.), жизнь и произведения которых так или иначе связаны с Сибирью. У Коцебу в этом контексте особая роль.

Мотив страха перед Сибирью

Изначальным мотивом в сюжете открытия Сибири как для Сумарокова⁹, так и для Коцебу является мотив страха, ужаса и тому подобных чувств, с которыми связан образ края. Коцебу так описывает свое состояние после известия о том, что его везут не в Петербург, а в Тобольск: «В Тобольск?! – При этом слове я задрожал всем телом и едва не упал... Быть заживо погребенным в Сибири... В Сибири!»¹⁰ [далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в квадратных скобках].

Страх сопровождает Коцебу на протяжении всех четырех месяцев пребывания в России, это лейтмотив мемуаров немецкого драматурга.

Он рассказывает о смутных опасениях, преследовавших его и его жену перед поездкой в Россию, которой он, по его словам, «служил шестнадцать лет честно и добровольно» [с. 14, 21]. Страх преследовал его в Петербурге после возвращения из ссылки. «Несмотря на столько видимых и красноречивых доказательств расположения ко мне государя, ужас до того овладел

моею душою, что я не мог видеть без сильного волнения сенатского курьера или фельдъегеря. Я не отваживался съездить в Гатчину, не взяв с собою порядочного количества денег и не будучи готовым отправиться вторично в ссылку», – пишет Коцебу [с. 229–230]. Коцебу чувствовал страх в атмосфере Петербурга, где «стены слушали и брат не мог положиться на брата» [с. 236], поэтому он при первой же возможности уезжает из России, чтобы жить «совершенно свободно и вдали от всякого страха и опасности» [с. 227].

В мемуарах Коцебу страх приобретает тотальный характер: не только европеец Коцебу боится России, но и Россия боится Европы. Так, Коцебу пишет о том, что в Петербурге он «не имел возможности достать себе книг <...> почти все книги были запрещены» [с. 236]. Речь идет о запрещении в 1800 г. императором Павлом I ввоза в Россию иностранных книг, отмененном Александром I.

Разрушение «неверных понятий» (стереотипов)

Стереотипные представления или, как говорит Коцебу, «неверные понятия» о Сибири разрушаются у него по мере продвижения к месту ссылки. Страх сменяется иными чувствами, вплоть до восхищения. Ему нравятся «молодые березняки и обширные поля, очень плодородные и хорошо возделанные, богатые деревни». Он замечает, что крестьяне здесь имеют «довольный вид, особенно в праздничные дни» [с. 103]. Коцебу восхищаются Тобольск и его «очень живописные окрестности» [с. 107]. Курган, где ему предстояло отбывать ссылку, действительно предстает в его записках «Сибирской Италией». Его рассказы о великолепных летних днях, проведенных им в Кургане, окрестности которого «усеяны самыми красивыми цветами», о прогулках по берегам Тобола и охоте на бекасов и диких уток сегодня можно включать в путеводитель для туристов, путешествующих по Сибири.

Коцебу изумлен и восхищен не только красотой и богатством Сибири, но и приемом, оказанным ему в Кургане, в Тобольске, и в частности тем, какой известностью пользовалось здесь его имя [с. 111]. Губернатор Д.Р. Кошелев (у Коцебу – Кушелев), у которого ссыльный драматург «почти каждый день обедал» и который немало сделал для облегчения участи знаменитого немца, прочитал все произведения Коцебу, переведенные на русский язык [с. 108, 109].

В местном театре, к изумлению Коцебу, с большим успехом шли его пьесы «Дитя любви», «Ненависть и коварство» и готовилась к постановке «Дева Солнца» [с. 132]. В ряду «друзей своей музыки» Коцебу нашел и одного из самых близких себе по духу в Тобольске людей – Киньякова. Сын симбирского дворянина, он оказался в Сибири с двумя своими братьями «за то, что они осмелились подтрунивать над императором» [с. 113]. Образованный молодой человек говорил с Коцебу по-французски, уверял его, что неоднократно читал его произведения и высказал автору о них много

лестного [с. 113].

Судьба «несчастливых»

Главное открытие Коцебу в Сибири – несчастные, так в Сибири называли ссыльных, которые, как замечает Коцебу, пользовались «общественным состраданием» [с. 126]. «Я не слышал ни разу, чтобы ссыльных звали иначе», – пишет он. Слово «несчастливые», утверждает Коцебу, «внушено нежным чувством и убеждением в невиновности» [с. 127].

По мнению Коцебу, «за границей со словами ссылка в Сибирь соединяют... смутные и неверные понятия», поэтому он ставит перед собой задачу разъяснить «отчасти этот вопрос» [с. 127]. Он выделяет и характеризует четыре «разряда» ссыльных и, главное, создает множество портретов «несчастливых», в ряду которых и автопортрет самого драматурга, постигающего по мере продвижения в Сибирь глубину собственного несчастья.

Картина жизни ссыльных предстает у Коцебу многосложной и разнородной. Коцебу ужасает судьба колодников, скованных попарно, которых гонят в Иркутск или на нерчинские рудники и которые просят подаяния. «Их наказывают обыкновенно кнутом и вырывают им ноздри. Страдания их хуже смерти», – пишет Коцебу [с. 127]. Его потрясает история сумасшедшего старика, который уже 35 лет живет в Сибири и у каждого вновь приехавшего спрашивает о судьбе своей семьи. Ссыльный Коцебу «краснел от стыда» за свое благополучие при виде несчастья этого старика. Коцебу трогает история барона Соммаруги, оказавшегося в Сибири из-за того, что дрался на дуэли, защищая честь будущей жены, которая «отправилась вслед за мужем, чтобы разделить с ним бедствия» [с. 114].

Коцебу не раз рассказывает о тяготах быта, с которыми он столкнулся во время ссылки. Так, например, он пишет, что отвык пользоваться постелью и ему сделалось «не в диковинку» спать на полу, разложив предварительно шинель [с. 112], что он привык к квартирам с разбитыми стеклами, грязными стенами, множеством насекомых и смрадным запахом [с. 111]. Однако Коцебу постоянно подчеркивает, что страдания его носили прежде всего нравственный характер и были вызваны тревогой за судьбу жены и детей.

После ареста на прусско-русской границе он прошел типичный путь невинно арестованного: от надежды на то, что рассмотрят его бумаги, разберутся и отпустят [с. 78], неудачного побега, мыслей о самоубийстве до принятия своей судьбы. Сосланный в Сибирь «по особому высочайшему повелению» [с. 204], Коцебу почти все время в Тобольске и постоянно в Кургане пользовался, как он пишет, «безграничную свободой» [с. 125]. Образ жизни, который он вел в Кургане, по его словам, включал пробуждение в 6 часов утра, заучивание в течение часа русских слов, завтрак, несколько часов работы над «Историей моих бедствий», прогулки вдоль берегов Тобола, «простой обед», чтение Сенеки, Палласа или Гмелина, охоту на бекасов и диких уток, вечернее чаепитие, скромный ужин, рас-

кладывание гран-пасьянса... [с. 150–151].

В 14-летней сибирской ссылке Сумарокова, если представить ее как текст и сюжет, можно выделить те же основные мотивы, что и в четырехмесячной ссылке Коцебу, так подробно им описанной. В ряду этих мотивов, воссозданных в записках сына Сумарокова Петра, – мотивы страха перед Сибирью; узнавания (открытия) ее; творческой деятельности в Сибири (сибирской книги); возвращения домой, в Европу (европейскую часть России).

О жизни Сумарокова в Сибири сын его пишет: «С отчаянием души ехал он туда, но между тем встретил людей, которые умели оценить его ум и дарования, умели отличить проступок молодости от настоящего преступления». Об отношении к ссыльному поэту губернатора Тобольска А.В. Алябьева сказано: «Он полюбил несчастного, как сына». «Сумароков нашел в Сибири приятное общество, умных людей, книги», – пишет Петр Сумароков об отце¹¹.

За время ссылки поэт собрал большую коллекцию минералов и «довольно большую библиотеку», так что из Тобольска в Москву после окончания ссылки пришлось отправлять все это «целым обозом». В Сибири, по мнению П.П. Сумарокова, отец его «пользовался известностью и почетом и привык смотреть на этот край, так приветливо принявший и приотивший его, как на родину»¹².

Не только Коцебу, но и Сумароков пользовался в ссылке полной свободой. «Свобода его несколько не была стеснена и в продолжение своей ссылки он не раз оставлял Тобольск на довольно долгие промежутки. Так, несколько лет провел он в Верхотурье, два года пробыл в Петропавловской крепости», – пишет П.П. Сумароков. Он рассказывает также о поездках отца «на тагильский и некоторые другие чугунно- и медно-плавильные заводы», а также на «знаменитую ирбитскую ярмарку»¹³.

Основным занятием Коцебу во время ссылки была работа над книгой мемуаров, или, как он пишет, «составление истории моих бедствий» [с. 168]. Главным занятием ссыльного Сумарокова, даже во время его службы воспитателем (1794–1801) в доме купца Алексея Зеленцова¹⁴, была его литературная и редакторская деятельность. За годы ссылки под редакцией Сумарокова вышло 24 номера журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», 12 номеров журнала «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Кроме того, в Тобольске в переводе Сумарокова напечатана первая сибирская литературно-художественная книга «Училище любви» (1791). В Москве, в Университетской типографии, в 1799–1800 гг. вышли в свет три его книги: «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов Панкратия Сумарокова» (Ч. 1, 1799); «Совершенный лакировщик» (1799); «Источник здравия» (1800)¹⁵. В третьей книжке поэтического альманаха Н.М. Карамзина «Аониды» (1798–1799) напечатана большая подборка стихов ссыльного поэта.

Литературные занятия Сумарокова и Коцебу в ссылке, при всем раз-

личии их дарований и индивидуальностей, могут быть объяснены и властью над их судьбами библиофилического культурного мифа, основанного «на абсолютной вере людей эпохи Просвещения в слово»¹⁶. Не случайно Коцебу называет своей «священной обязанностью» создание и печатание своих сибирских воспоминаний [с. 8], а о том, что литература стала для Сумарокова спасением после постигшей его личной катастрофы, хорошо известно. Завершением сюжета сибирской встречи Сумарокова и Коцебу стало их творческое противостояние после возвращения из ссылки.

Европа в Сибири

Важнейшая и парадоксальная на первый взгляд идея воспоминаний Коцебу, обычно ускользающая от внимания исследователей, состоит, с нашей точки зрения, в том, что, открывая Сибирь, немецкий драматург открывал в ней Европу. Мысль эта является основной в воспоминаниях сына Сумарокова, Петра Панкратьевича, рассказывающего о том, что «знаменитый в то время немецкий драматург, проезжая через Тобольск, пожелал познакомиться с человеком, который нашел возможность издавать журналы и притом с таким успехом в такой глуши». «Он просидел у нового знакомого целый вечер и на прощание сказал, что хоть он еще далеко от родной Германии, но в этот вечер как бы сразу перенесся в центр Европы»¹⁷.

Образ Европы в Сибири (Сибири как Европы) складывается в воспоминаниях Коцебу из множества выразительных деталей. Прежде всего, в Тобольске среди ссыльных он открывает разноязыкий европейский мир: двух французов и одного немца, сосланных «за то, что провезли по двести рублей контрабанды»; четырех поляков, отправленных в Сибирь «за неосторожные политические поступки» [с. 114]; итальянца Росси, осужденного за заговор против командира и жившего в Тобольске уже двадцать лет [с. 124].

Коцебу замечает, что на базарной площади в Тобольске «можно найти множество товаров китайских и европейских», которые «чрезвычайно дороги» [с. 131]. О губернаторе Кошелеве сказано, что он выписывает «франкфуртскую газету», которую обещает каждую неделю отправлять Коцебу в Курган [с. 136]. Несмотря на запрет Павла I ввозить в Россию иностранные книги, в Сибири Коцебу нашел много переводных изданий и, в частности, сочинения Сенеки, послужившие ему, как он пишет, источником утешения. Коцебу делает выписки из Сенеки, учится у него терпению и мужеству, пишет о «сходстве судеб» своей и Сенеки. «Он был также изгнан из родины, был также невинен и томился восемь лет на пустынных скалах Корсики. Описание его положения, сделанное им самим, чрезвычайно напоминало мне мое собственное», – пишет Коцебу. Сенека становится для него идеальной моделью поведения изгнанника [с. 156].

Сумароков в начале ссылки, как и Коцебу, искал утешения в античных образах и мотивах. Однако для него был значим не столько образ изгнанника Овидия, сколько идея превращения Иртыша в Иппокрене, идея пре-

ображения Сибири. Античная мифология стала для него не способом осмысления настоящего (как у Коцебу), а моделью будущего. Античный миф трансформировался у Сумарокова в мироустроительный миф о Сибирской Иппокрене, книге-реке, преобразующей жизнь. При всем различии отношений с Античностью, Коцебу и Сумароков едины в признании ее в качестве идеального культурного образца для современности. И в этом смысле Европа для них, даже Европа в Сибири, – общая родина.

Сибирь у Коцебу (и Сумарокова) оказывается, таким образом, не только местом ссылки для европейцев, но и частью европейского культурного пространства. О том, что Тобольск на рубеже XVIII–XIX вв. воспринимался и в действительности был частью европейского культурного и, в частности, книжного пространства, свидетельствует репертуар первой сибирской типографии Корнильевых (1789–1805). Из одиннадцати наименований книг, напечатанных здесь, четыре являются переводными с французского, немецкого, латыни. Первая сибирская литературно-художественная книга «Училище любви», названная переводчиком Сумароковым «англинской повестью», является переводом с французского книги немецкого писателя И.Г. Б. Пфейля «Der Triumph der tugendhaften Liebe»; трехтомник английского математика Г. Диттона «Истинна благочестия христианского, доказанная воскрешением Иисуса Христа, с математическою точностию» переведен с немецкого. «Описание растений Российского государства» известного немецкого исследователя и путешественника П.С. Палласа, побывавшего в Тобольске в 1770 г., переведено с латинского его учеником В.Ф. Зуевым.

Завоевание Америки в Сибири

В мемуарах о личном открытии Сибири странно было бы не найти темы завоевания этого края русскими. Коцебу обращается к ней, говоря о жизни татар в современной ему Сибири и о скрытой взаимной ненависти татар и русских. «Слово татарин в здешних местах такое же бранное, как и слово чухонец для несчастных обитателей северных берегов Балтийского моря», – пишет он. «С татарами обращаются самым жестоким и унижительным образом», – замечает Коцебу. Русские воспринимают татар не иначе как рабов и «смеются перед татарами над Магометом» [с. 180]. Градус зла и ненависти со стороны русских доходит до такой степени, что Коцебу встает на защиту татар. «Народ этот, по моему мнению, не заслуживает вовсе того презрения, с которым обращаются с ним русские, покорившие его», – пишет Коцебу [с. 177]. За время пути Коцебу не раз имел возможность «убедиться в глубокой, закоренелой ненависти татар к русским» [с. 180]. При этом он отмечает, что в Сибири «богатые деревни, то русские, то татарские, находятся в близком друг от друга расстоянии» [с. 103].

Картина жизни Сибири, таким образом, предстает у Коцебу внутренне противоречивой. С одной стороны, Сибирь, более двух веков назад заво-

еванная русскими, позволяет завоевателям и завоеванным жить мирно и в равной степени богато. С другой стороны, взаимная ненависть русских и татар, проявляющаяся на бытовом уровне, свидетельствует о глубинном внутреннем конфликте сибирской жизни.

На уровне высокой культуры отношение сибиряков к проблеме того, как должны жить на одной земле завоеватели и завоеванные, позволяет понять ситуацию с постановкой в Тобольском театре драмы Коцебу «Дева Солнца». В центре драмы – история о всепобеждающей любви перуанки Кору и испанца Алонцо, одного из тех, кто вторгся в Перу и покорил Империю инков, т.е., собственно, завоевал Америку. Самого завоевания в пьесе, как известно, нет, речь идет о его последствиях, суть которых – в торжестве идеи естественной смены старого (перуанского) порядка жизни новым (испанским).

Завоеватель Перу Алонцо влюбляется в Кору и уходит от испанцев к индейцам, которых «любит, как братьев»¹⁸, но нарушает закон индейцев, соблазнив Кору, давшую клятву служения Солнцу как супругу. Кора под влиянием Алонцо, в свою очередь, нарушает законы жизни своего народа. Влюбленные готовы принять смерть, но любовь побеждает все, в том числе ставшие устаревшими законы жизни. Старый закон начинает осознаваться как закон «грубых времен»¹⁹, поэтому по слову царя Квитского Аталиба «Закон уничтожается!»²⁰, на смену мертвому закону приходит торжество чувств любви и свободы. В «Деве Солнца», таким образом, не только побеждает образ мира, в целом характерный для «трогательных» пьес Коцебу, но и, говоря современным языком, идентичность испанцев торжествует над идентичностью перуанцев.

Самой значительной, менее схематичной, чем Алонцо и Кора, фигурой в пьесе Коцебу является полководец Ролла, который любит Кору, предназначенную ему в супруги. Ролла, однако, уходит на войну, а Кора становится девой Солнца и клятвоступницей. Но такой – потенциально трагический – вариант любовной истории в пьесе Коцебу также предстает как история «грубых времен», которые должны окончиться.

«Дева Солнца», пьеса о завоевании Америки в Тобольском театре, и мемуары Коцебу актуализируют одну из популярных идей начала XIX в. о сходстве историй завоевания Америки европейцами и Сибири русскими.

А.Л. Шлецер сформулировал ее в работе «Краткое начертание сибирской истории» следующим образом: «История открытия и завоевания Сибири русскими представляет разительное сходство с покорением Америки испанцами, случившимся почти в одну эпоху»²¹. Работу Шлецера, опубликованную в «Вестнике Европы» в 1804 г., когда его редактировал Сумароков, можно рассматривать как своего рода послесловие к его сибирской ссылке.

Тексты Коцебу позволяют констатировать различие итогов завоевания Америки и Сибири. Следствием первого становится торжество любви, свободы и стирание идентичности перуанцев; следствием второго – скрытая взаимная ненависть и опыт мирного существования завоевателей и за-

воеванных.

Осознавая специфику «трогательных» пьес Коцебу с современной точки зрения, трудно, тем не менее, не согласиться с критической оценкой его произведений в журнале «Вестник Европы» в 1804 г., где, помимо самой известной пьесы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние», анализируется и «Дева Солнца». «Недостаток единства и вероятия еще приметнее в пьесе под названием “Дева Солнца”», – утверждает критик²². В целом о пьесах Коцебу сказано: «Страшные и быстрые успехи испорченного вкуса»²³. Феномен моды на Коцебу критик также объясняет отсутствием вкуса у публики, восторгающейся его пьесами. Главная претензия к публике – различие высокого и невзыскательного: «Та же самая публика, которая не требует Ифигении и не хочет видеть Альзиры, помещает г. Коцебу подле Расина, Вольтера и Лессинга»²⁴. Именно эта цитата из первого номера «Вестника Европы» за 1804 г., скорее всего, послужила источником эпиграммы «Блаженства» Сумарокова:

Блажен, кто не роптал во веки на судьбу;
Блажен, ровняющий с Расином К...²⁵

Пьеса «Дева Солнца», поставленная в Тобольском театре, таким образом, позволяет понять критическое отношение Сумарокова к моде на Коцебу, к невзыскательной публике, которая «хвалит и платит».

Изучение «встречи» Сумарокова и Коцебу в 1800–1804 гг. помогает отказаться от узкобиографического подхода к вопросу о сибирской ссылке Сумарокова, по-новому увидеть масштаб его личности, проявляющийся и в ситуации преодоления им внутренней катастрофы в условиях ссылки, и в полноте его включенности в сибирский дискурс. Открытие Сибири извне, из немецкой культуры, и изнутри, из русской культуры, позволяет увидеть стереоскопичность ее понимания на рубеже XVIII–XIX вв., связанную прежде всего с проблематикой взгляда на Сибирь как пространство между Европой и Америкой.

Коцебу и Сумароков, каждый по-своему, проживают и описывают общий для них сюжет открытия Сибири, существующий в культуре со времен Геродота и приобретающий особую актуальность в контексте современных процессов глокализации. Взаимодействие опыта русской и немецкой культур помогает обнаружить в этом сюжете его геокультурный смысл: Сибирь позволяет открыть в себе и Европу, и Америку, оставаясь при этом самой собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сумароков П. Записки отжившего человека. История моих предков. До 1802 года // Вестник Европы. 1871. № 8. С. 691–728.

² Павлов В.А. Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал. 2004. № 7. С. 147–182.

³ Радищев А.Н. Письма из ссылки // Радищев А.Н. Избранные сочинения. М., 1952. С. 549.

⁴ Штайнке К. Записки Августа фон Коцебу о Тобольске начала XIX в.: к восприятию Сибири немцами // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1. С. 74–75.

⁵ Мельникова С.И. Коцебу в России. СПб., 2005. С. 170.

⁶ Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви к чтению в России // *Вестник Европы*. 1802. № 9. С. 60.

⁷ Письмо одного немца к приятелю, содержащее критику на драматические сочинения г. Коцебу // *Вестник Европы*. 1804. № 1. С. 48–55; О пребывании г. Коцебу в Париже // *Вестник Европы*. 1804. № 2. С. 148; Критика на драматические сочинения г. Коцебу // *Вестник Европы*. 1804. № 3. С. 203–214.

⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

⁹ Жизнь П.П. Сумарокова // *Стихотворения Панкратия Сумарокова*. СПб, 1832. С. XXII.

¹⁰ Коцебу А. Достопамятный год моей жизни: воспоминания. М., 2001. С. 44, 45.

¹¹ Жизнь П.П. Сумарокова // *Стихотворения Панкратия Сумарокова*. СПб, 1832. С. XXII, XXIII.

¹² Сумароков П. Записки отжившего человека. История моих предков. До 1802 года // *Вестник Европы*. 1871. № 8. С. 727.

¹³ Сумароков П. Записки отжившего человека. История моих предков. До 1802 года // *Вестник Европы*. 1871. № 8. С. 726.

¹⁴ Ларкович Д.В. Литературная судьба Панкратия Платоновича Сумарокова (Опыт семантического анализа). Сургут, 2007. С. 165.

¹⁵ Сумароков П.П. Совершенный лакировщик, или Полное и подробное руководство к составлению и употреблению всякого рода лаков... М., 1799; *Источник здоровья, или Словарь всех употребительных снедей, приправ и напитков, из трех царств природы извлекаемых...* М., 1800.

¹⁶ Приказчикова Е.Е. Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // *Филологические науки*. 2009. № 4. С. 74.

¹⁷ Сумароков П. Записки отжившего человека. История моих предков. До 1802 года // *Вестник Европы*. 1871. № 8. С. 716.

¹⁸ Коцебу А. Дева Солнца, драма в 5 действиях. М., 1825. С. 18.

¹⁹ Коцебу А. Дева Солнца, драма в 5 действиях. М., 1825. С. 164.

²⁰ Коцебу А. Дева Солнца, драма в 5 действиях. М., 1825. С. 166.

²¹ Шлецер А.Л. Краткое начертание Сибирской истории // *Вестник Европы*. 1804. № 19. С. 185.

²² Критика на драматические сочинения г. Коцебу // *Вестник Европы*. 1804. № 3. С. 206.

²³ Письмо одного немца к приятелю, содержащее критику на драматические сочинения г. Коцебу // *Вестник Европы*. 1804. № 1. С. 48.

²⁴ Письмо одного немца к приятелю, содержащее критику на драматические сочинения г. Коцебу // *Вестник Европы*. 1804. № 1. С. 49.

²⁵ Эпиграммы // *Вестник Европы*. 1804. № 14. С. 147–148.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Steinke K. Zapiski Avgusta von Kotzebue o Tobolske nachala 19 v.: k vospriyat-iyu Sibiri nemtsami [August von Kotzebue's Sketches about Tobolsk at the Beginning

of the 19th Century: On the Perception of Siberia by the Germans]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 1, pp. 74–75. (In Russian).

2. Prikazchikova E.E. Kulturnyi mif o romane-razvratitele i sposoby ego preodoleniya v russkoy literature epokhi Prosveshcheniya [The Cultural Myth about a Novel-Seducer and the Ways to Overcome it in the Russian Literature of Enlightenment]. *Filologicheskiye nauki*, 2009, no. 4, p. 74 (In Russian).

(Monographs)

3. Melnikova S.I. *Kotzebue v Rossii* [Kotzebue in Russia]. Saint-Petersburg, 2005, p. 170. (In Russian).

4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of the Written Word]. Moscow, 1979, p. 350. (In Russian).

5. Larkovich D.V. *Literaturnaya sud'ba Pankratiya Platonovicha Sumarokova (opyt semanticheskogo analiza)* [The Literary Fate of Pankratiy Platonovich Sumarokov (An Experience of Semantic Analysis)]. Surgut, 2007, p. 165. (In Russian).

Наталья Петровна Дворцова – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Область научных интересов: история русской литературы XX–XXI вв., история сибирской книжной культуры XVIII–XX вв.

E-mail: kaf_idir@utmn.ru

Natalia Dvortsova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Sphere of scientific interests: the history of Russian literature in the 20th–21st centuries, the history of Siberian book culture in the 18th–20th centuries.

E-mail: kaf_idir@utmn.ru